

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТА «СЕРАЯ ЗОНА» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ И СПОСОБЫ ДИСКУРСИВНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Су Ливэй

Доцент, Инженерный университет Ракетных войск НОАК,
(Сиань, Китай)
990619491@qq.com

THE EVOLUTION OF THE CONCEPT OF THE "GRAY ZONE" IN ENGLISH-LANGUAGE MILITARY-POLITICAL DISCOURSE AND WAYS OF DISCURSIVE COUNTERACTION

Su Liwei

Summary: The article shifts the issue of the 'gray zone' from military-political description to philological analysis. The object of the research is English-language military-political discourse, in which the expression gray zone has gradually changed from a metaphor of an uncertain space into a stable term of strategic communication. The article examines the stages of the conceptual evolution of the term, its metaphorical structure, evaluative meaning and translation difficulties. It argues that countering gray-zone practices requires not only political and military measures but also discursive counteraction: terminological clarification, exposure of euphemisms, construction of an alternative interpretive frame and development of critical media literacy.

Keywords: gray zone, English-language discourse, military-political terminology, concept, metaphor, critical discourse analysis, translation.

Аннотация: Статья переводит проблематику «серой зоны» из области военно-политического описания в поле филологического анализа. Объектом исследования выступает англоязычный военно-политический дискурс, в котором выражение gray zone постепенно превратилось из метафоры неопределённого пространства в устойчивый термин стратегической коммуникации. Рассматриваются этапы концептуальной эволюции термина, его метафорическая структура, оценочная нагрузка и переводческие трудности. Показано, что борьба с практиками серой зоны включает не только политические и военные меры, но и дискурсивное противодействие: уточнение терминов, разоблачение эвфемизмов, формирование собственной рамки описания и развитие критической медиаграмотности.

Ключевые слова: серая зона, англоязычный дискурс, военно-политическая терминология, концепт, метафора, критический дискурс-анализ, перевод.

Введение

Термин «серая зона» стал одним из наиболее заметных выражений современного военно-политического языка. Он используется для обозначения действий, которые находятся между миром и войной, правом и силой, открытым конфликтом и скрытым давлением. Однако для филологических наук важно не только то, какие практики описывает данный термин, но и то, как сама языковая форма создаёт определённый способ восприятия конфликта.

Выражение gray zone является метафорой. Оно переносит представление о цветовой неопределённости на сферу международной политики. Такая метафора не нейтральна: она помогает говорить о конфликте как о пространстве неясности, где трудно определить виновника, правовой статус действия и допустимый ответ. Поэтому анализ концепта «серая зона» требует внимания к семантике, прагматике, оценочности и переводческой интерпретации.

Цель статьи состоит в описании эволюции концепта «серая зона» в англоязычном военно-политическом дис-

курсе и в выявлении способов дискурсивного противодействия. В отличие от международно-политического подхода, где акцент делается на военных и институциональных мерах, филологический подход рассматривает термин как инструмент смыслового управления. Материалом анализа выступают научные и экспертные тексты, в которых gray zone используется для описания современных конфликтов [1; 2].

Концепт «серая зона» как дискурсивная единица

В лингвистическом отношении «серая зона» представляет собой концепт, объединяющий пространственную метафору, правовую неопределённость и оценку угрозы. Слово zone задаёт образ ограниченного пространства, а прилагательное gray указывает на размытость, промежуточность и недостаток ясности. В результате возникает смысловая модель, в которой конфликт описывается не как событие с чёткими границами, а как поле постепенного давления.

Подобные метафоры обладают сильным прагматическим эффектом. Они позволяют экспертному сообществу упростить сложную реальность, выделить в ней повторяю-

шийся признак и предложить аудитории удобную рамку понимания. Но одновременно метафора может скрывать конкретных акторов, ответственность и цели действия. Когда конфликт называется «серой зоной», внимание смещается с субъекта политики на состояние неопределённости.

Именно поэтому термин нуждается в критическом анализе. В дискурсе безопасности слова редко являются только описательными единицами. Они распределяют роли, задают допустимые реакции и формируют эмоциональный фон. Термин «серая зона» может мобилизовать тревогу, оправдывать расширение мер безопасности или, наоборот, маскировать агрессивное поведение как неоднозначное и трудно квалифицируемое [3].

Этапы эволюции термина

На первом этапе выражение *gray zone* функционировало как образ неопределённой области между двумя ясными состояниями. Оно использовалось в разных сферах — праве, экономике, этике, управлении — для обозначения ситуации, где правила не дают однозначного ответа. В этом употреблении термин был преимущественно метафорическим и не имел строгой военно-политической специализации.

На втором этапе, после распространения исследований о гибридной войне, «серая зона» стала связываться с конфликтами ниже порога войны. В экспертной литературе она начала обозначать действия, которые не запускают автоматический военный ответ, но постепенно меняют баланс сил. Здесь термин получает стратегическую функцию: он описывает не просто неопределённость, а намеренное использование неопределённости в политических целях [1; 4].

На третьем этапе понятие вошло в язык стратегической коммуникации. Оно стало использоваться для обозначения кибератак, информационного влияния, экономического принуждения, поддержки прокси-акторов, правовых манипуляций и давления на общественное мнение. Таким образом, концепт расширился: он стал обозначать не один вид действия, а целый режим конфликтного поведения.

На современном этапе *gray zone* функционирует как термин-пакет. Он собирает разные практики под одним названием и тем самым создаёт ощущение единой угрозы. Такое обобщение удобно для политики безопасности, но с филологической точки зрения оно требует осторожности. Чем шире термин, тем выше риск смысловой расплывчатости и манипулятивного использования.

Перевод и смысловые сдвиги

При переводе выражения *gray zone* на русский и

китайский языки возникают несколько трудностей. Во-первых, необходимо сохранить метафору цвета, поскольку именно она передаёт идею промежуточности. Во-вторых, важно не превратить термин в слишком нейтральное описание. В английском военно-политическом дискурсе *gray zone* несёт оценочную нагрузку: речь идёт не о простой неопределённости, а о потенциально опасной стратегии.

Русский вариант «серая зона» достаточно точно передаёт цветовую и пространственную метафору. Однако он может ассоциироваться также с административной, экономической или правовой неопределённостью. Поэтому в научном тексте необходимо уточнять контекст: «серая зона конфликта», «действия в серой зоне», «серозонные практики». Такие уточнения помогают отделить военно-политический смысл от бытового или юридического употребления.

Китайская передача термина также требует комментария, поскольку буквальная калька может не сразу раскрывать связь между метафорой и стратегическим поведением. В переводе важно объяснить, что «серость» означает не слабость и не нейтральность, а режим действия, рассчитанный на неопределённость ответа. Поэтому переводческая стратегия должна соединять сохранение образа и раскрытие функции термина [5].

Смысловой сдвиг возникает тогда, когда термин начинает восприниматься как объективное название реальности, а не как продукт определённого дискурса. Филологический анализ напоминает, что термин не только описывает практику, но и участвует в её политическом осмыслении. Кто называет ситуацию «серой зоной», тот предлагает аудитории определённый способ видеть угрозу и выбирать ответ.

Текстовые маркеры и нарративная структура

В англоязычных экспертных текстах концепт *gray zone* обычно сопровождается устойчивым набором лексических маркеров: *below the threshold*, *ambiguity*, *coercion*, *deniability*, *competition*, *escalation*, *resilience*. Эти слова формируют не случайный словарь, а повторяющуюся семантическую сеть. Через неё конфликт описывается как процесс постепенного давления, в котором решающее значение имеет не отдельный удар, а накопление малых действий.

Особое место занимает выражение *below the threshold of war*. Оно задаёт вертикальную модель: существует условная граница войны, а действия серой зоны располагаются ниже неё. Такая пространственная метафора создаёт ощущение управляемости конфликта, но одновременно скрывает тот факт, что последствия «ниже порога» могут быть стратегически значительны-

ми. Поэтому филологический анализ должен выявлять не только термин, но и встроенную в него модель пространства.

Другой важный маркер — *deniability*, то есть возможность отрицания ответственности. В дискурсе серой зоны это слово связывает действие и субъект не напрямую, а через режим сомнения. Смысловый эффект состоит в том, что аудитория видит действие, но не всегда получает ясную фигуру автора. Такая грамматика неопределённости усиливает политическую сложность ответа и становится частью самой стратегии.

Нарративная структура текстов о серой зоне обычно строится по схеме: неопределённая угроза — недостаточность традиционных средств — необходимость новой устойчивости. Эта схема формирует не только аналитическое описание, но и практическую программу. Она убеждает читателя, что прежние категории мира и войны устарели, а значит, государству нужны новые инструменты наблюдения, интерпретации и реагирования.

Жанровые различия употребления термина

Значение выражения *gray zone* меняется в зависимости от жанра. В официальных доктринальных документах термин стремится к нормативной определённости: он должен помочь классифицировать угрозы и распределить ответственность между институтами. Поэтому такие тексты часто используют сдержанный стиль, перечни признаков, операциональные определения и формулы готовности к реагированию.

В аналитических докладах исследовательских центров термин получает более широкую интерпретацию. Здесь важны сценарии, типологии, прогнозы и рекомендации. *Gray zone* описывается как пространство стратегического соперничества, где решающее значение имеют не только действия противника, но и слабость собственных институтов. В этом жанре термин выполняет диагностическую функцию.

В медийных текстах «серая зона» часто приобретает эмоционально-оценочную окраску. Она может использоваться для создания ощущения скрытой угрозы, неопределённости и постоянной опасности. Заголовки и краткие комментарии обычно усиливают метафоричность термина, тогда как сложные юридические и политические различия уходят на второй план. Поэтому медийное употребление требует особенно осторожного анализа.

В научных статьях термин должен проходить процедуру концептуального уточнения. Исследователь обязан показать, какие действия он относит к серой зоне, где проходят границы понятия и чем оно отличается от

гибридной войны, информационной операции или дипломатического давления. Без такой процедуры термин превращается в удобную, но слишком широкую метку. Именно здесь филологический анализ помогает восстановить точность научного языка.

Дискурсивное противодействие

Противодействие серой зоне обычно описывается в военных и политических терминах: укрепление обороны, санкции, разведка, кибербезопасность, дипломатические меры. Однако в условиях информационного общества не менее важным становится дискурсивное противодействие. Оно направлено на то, чтобы не позволить противнику навязать собственную рамку описания событий.

Первым направлением является терминологическая ясность. Необходимо различать гибридную войну, серую зону, информационную операцию, прокси-конфликт и экономическое принуждение. Если все эти явления обозначаются, одним словом, аналитика теряет точность. Чёткая терминология позволяет определить субъект действия, цель, механизм и возможный ответ.

Вторым направлением является разоблачение эвфемизмов. Практики серой зоны часто описываются мягкими словами: поддержка, консультация, защита, помощь, стабилизация. Филологический анализ показывает, как эвфемизм снижает восприятие угрозы или переводит ответственность в размытое поле. Поэтому критическое чтение официальных текстов и медийных сообщений становится частью безопасности.

Третьим направлением является формирование собственной интерпретационной рамки. Нельзя ограничиваться опровержением чужих сообщений; необходимо предлагать последовательный язык описания событий. Такая рамка должна соединять факты, правовую оценку, понятные метафоры и устойчивую систему аргументов. Только в этом случае аудитория получает альтернативу навязанному дискурсу.

Четвёртым направлением выступает медиаграмотность. Она позволяет обществу различать факт, интерпретацию, оценку и эмоциональную манипуляцию. Если аудитория понимает, как работают метафоры угрозы, эвфемизмы и повторяющиеся нарративы, она становится менее уязвимой перед информационным давлением. Поэтому филологическое образование может иметь практическое значение для стратегической устойчивости.

Пятым направлением можно считать переводческую стандартизацию. Если один и тот же термин передаётся в разных документах по-разному, возникает путаница, которая снижает качество анализа. Для научного и экс-

пертного употребления целесообразно фиксировать основные эквиваленты: gray zone — «серая зона», gray-zone tactics — «тактика серой зоны», below the threshold — «ниже порога открытой войны», deniability — «отрицаемость ответственности». Такая работа сближает переводоведение и прикладную лингвистику.

Шестым направлением является создание собственных аналитических корпусов. Сравнение официальных заявлений, докладов аналитических центров, медиатекстов и научных публикаций позволяет увидеть, как термин меняет значение в разных жанрах. В политическом заявлении он может выполнять мобилизационную функцию, в академической статье — классификационную, а в медийном тексте — эмоционально-оценочную. Корпусный подход делает эти различия наблюдаемыми.

Практическое значение филологического подхода

Филологический подход к концепту «серая зона» имеет практическое значение для международной коммуникации. Во-первых, он помогает избежать терминологической расплывчатости. Когда один термин обозначает кибердействия, информационные кампании, экономическое давление и прокси-конфликты одновременно, возникает риск аналитической перегрузки. Уточнение значения позволяет различать типы угроз и выбрать адекватный ответ.

Во-вторых, такой подход важен для подготовки переводчиков, аналитиков и специалистов по стратегической коммуникации. Они должны понимать, что перевод военно-политического термина не ограничивается под-

бором словарного соответствия. Необходимо учитывать жанр текста, адресата, оценочную нагрузку и возможные политические последствия выбранной формулировки.

В-третьих, анализ серой зоны показывает связь между языком и безопасностью. Современный конфликт часто начинается с борьбы за название события. Если одна сторона навязывает свою терминологию, она получает преимущество в интерпретации. Поэтому способность критически читать термины и создавать собственный язык описания становится элементом гуманитарной и политической устойчивости.

Заключение

Эволюция концепта «серая зона» показывает, что военно-политические термины не являются нейтральными обозначениями. Они формируют картину конфликта, распределяют роли участников и задают возможные реакции. Выражение gray zone прошло путь от общей метафоры неопределённости к устойчивому термину стратегического дискурса, описывающему действия ниже порога открытой войны.

Филологический подход позволяет увидеть скрытую работу языка в сфере безопасности. Он показывает, что борьба с серой зоной включает не только институциональные и военные меры, но и работу с терминами, метафорами, переводом и интерпретационными рамками. Дискурсивное противодействие становится необходимым элементом общей стратегии, поскольку современный конфликт начинается не только с действия, но и с его названия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маззар М. Дж. Освоение серой зоны: понимание меняющейся эпохи конфликта / М. Дж. Маззар. — Карлайл: Институт стратегических исследований, 2015. — 146 с.
2. Брэндс Х. Парадоксы серой зоны / Х. Брэндс. — Филадельфия: Институт исследований внешней политики, 2016.
3. Фэркло Н. Критический дискурс-анализ: критическое изучение языка / Н. Фэркло. — Лондон: Longman, 1995. — 265 с.
4. Хоффман Ф. Г. Конфликт в XXI веке: становление гибридных войн / Ф. Г. Хоффман. — Арлингтон: Институт политических исследований Потомака, 2007. — 72 с.
5. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — Чикаго: Издательство Чикагского университета, 1980. — 242 с.
6. Чилтон П. Анализ политического дискурса: теория и практика / П. Чилтон. — Лондон: Routledge, 2004. — 226 с.
7. Водак Р. Методы критических дискурсивных исследований / Р. Водак, М. Мейер. — 3-е изд. — Лондон: SAGE, 2015. — 272 с.

© Су Ливэй (990619491@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»